

когда мы во времена темныхъ ночей
выспавляли бывшій у мѣня *Кулибин-*
ской фонарь, думали что то было
солнце, которое мы похищали, при-
писывая и мрачность дней причиною
оное. Мнѣ прискорбно было видѣть
шакую уловъ ихъ темность: поче-
му и не оставлялъ ихъ болѣе пребы-
вать въ семъ заблужденіи; но спа-
рался, сколько можно, изъяснить имъ,
что сѣ есть дѣло шакото же человѣ-
ка, какъ и они; съ тою только раз-
ницею, что они ничего не будутъ
знать до тѣхъ поръ, пока не будутъ
мирны, и заимспововать ошъ насъ
обычан и родъ жизни. Я показывалъ
имъ способность и выгоды Россійскихъ
домовъ, плашья и упошребленія пищи,
они видѣли шруды моихъ работныхъ,
когда они копали землю въ огородѣ,
сѣяли и сажали сѣмена; по созрѣніи
плодовъ, я велѣлъ имъ оныя разда-
вать; но они упошребляя ихъ, ни